

ЭЛИСЕО ДИЕГО

*С испанского **

Родные

Сидят они прозрачными ночами,
и в памяти два смутных отголоска
всплывают и сливаются в молчанье —
старинный вальс и синяя матроска.

Придет отец, и медленны их речи,
и слово долго тянется за словом;
вздыхает вол, и будни человечьи
волнуют кровь пустынным суровым.

Затрепетав ладонями крылато,
из темноты — коней крутые выи
ваяют руки, жилисты и грубы.

Но студит сердце смертная прохлада,
вступая в спор, — и слушают живые
своей судьбы полуночные трубы.

Надень рубашку старого покроя

Надень рубашку старого покроя,
свидетельницу шумного бывшего
и тихих бед под маскою покоя,
голубоватой, как бельмо слепого.

Надень тот самый галстук для свиданий,
которому так радовался прежде,
и шляпу не забудь, подобно давней
и никогда не сбывшейся надежде.

Ибо должны прийти, ты это знаешь,
должны прийти во что бы то ни стало,
должны прийти, должны сказать так много,

чтобы поверил — ты не умираешь.
Но все темней, и ночь уже настала.
И поздно ждать, пора тебе в дорогу.

* Элисео Диего. Синтио Витиер — Стихи (*Перевод с испанского*) // *Поэзия Латинской Америки* (М.: Художественная литература, 1975), раздел «Куба», 346–352.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Седьмая муза

Едва погаснет свет, как фортепьяно
в живых потемках стихнувшего зала
начнет свой лживый серенький галоп,
ковбой прозрачный вынырнет туманно,
и женщина возникнет вполнакала,
едва касаясь полустертых троп.

Из тишины нечистый свет сочится,
чтобы, коснувшись белого экрана,
разбиться на миллионы кратких див,
которым длиться столько, сколько длится
тот, кто следит за ними неустанно,
чья жизнь — не очень долгий детектив.

Как их зовут, как их в ту пору звали,
когда их слава крепла год от года
в туманных буднях звучно стрекоча,
пока на ледяном экране в зале
не стали бледной маетой исхода
под вздохи безразличного луча?

Бак Джонсом звался он, да-да, Бак Джонсом —
тот, что вне имени почиет ныне,
когда жара полдневная пьяна
над стенами с расплывчатым анонсом
к неумирающей кинокартине
(когда бы знать, чем кончится она).

Титанам цвета грезилось едва ли,
что сможет холст ожить в жемчужной сказке,
где время будет времени равно, —
искусство безделушек в зазеркалье,
где запахи и звуки без раскраски
в мерцающее вставлены окно.

Во мгле, где зритель из седьмого ряда
сосет негаснущую сигарету,
бестельный, облаченный в пустоту,
весь сам в себе и сам себе отрада, —
свеченье, ткущее покров сюжету,
перетекает из тщеты в тщету.

Лишь вспыхнет свет и распахнутся двери —
мы полумрак миражный покидаем,
чтобы забыть в мгновение одно
химеру зала, растворясь в химере
иной, где мы с теченьем лет линияем,
как лента отшумевшего кино.

Вызов Карибскому морю

Карибский глянec, синие накаты,
улыбчивая злоба и каприз.
Ты дремлешь на изнанке светлой карты,
где хитроумный трудится Улисс.

А здесь, в глубинах сонного провала,
не боги, не сирен игривых скоп —
твое расплывчатое покрывало
ткнут челноки зубастых Пенелоп.

Где райских островов великолепье —
земля легенд и грез?.. Карибский край,
мы здесь нашли марионеток, цепи,
стервятников: насмешку, а не рай!

Не благовестье, а былые свары,
не новь, а долгий обморок, не миф,
а ведьмовского шабаша кошмары
и черепа взамен заморских див.

В день ярых бурь над бездной бесноватой
ты полдень топишь в полуночной мгле,
весь свет сводя к заре подслеповатой,
весь мир сварив в клокочущем котле.

В твоих сквозных и стынущих глубинах
покой расторжимый отражен,
конечная ничейность дней пустынных,
слепое зарождение времен.

Погожий летний день с возней, и визгом,
и смехом детворы — простые дни
ее нехитрых игр на солнце низком
и в сказочно причудливой тени, —

как часто тащит пенный вал слепящий
туда, где смерти свет, где тишина,
где жизнь дрожит своей изнанкой спящей
в соленой пустоте глухого дна!..

Но дом наш здесь, хоть ты и смотришь зверем.
И вдаль глядим мы из-под рукава —
надеемся, шумим, упрямо верим
в росистые чудные острова!

СИНТИО ВИТИЕР

С испанского

* * *

Ребенок не ласковый ирис,
а знамя судьбы огневое,
не тонкая хрупкая чаша,
а войско, готовое к бою.

Ребенок не трепетный лепет,
а гром над дрожанием окон,
не кроткий цветок на лужайке,
а тайну несущий поток он.

Ребенок не солнечный зайчик,
а пламенный омут полудня,
не кроткой надежды лампадка,
а яростный свет правосудья.

Не наше прощенье ребенок,
вкушающий сны в колыбели, —
вся наша вина роковая
растет в его крошечном теле.

Неутолимый

Выскальзывает шорох из листвы,
а тишина расплескивает ветер,
и вот листва, стихая, исчезает —
и, как король, на сцену входит сон.
И точно так же, вечно иссякая,
выскальзывает время из ладоней,
протянутых с любовью и мольбой
к полуночному рогу изобилья,
водовороту сумрака и света,
стеклянному презренью океана.
И этот вечный свет исчезновенья
на дне зрачка находит свой итог —
вновь начинать лишенное начала.
Тогда нас одиночество братает
и будит дом, выкрадывая письма.
Тогда софиты сумерек над нами
раскачивают облачное эхо.

И бесконечна смена декораций,
как путь нездешних, вечно уходящих...
Навечно уходящих...

Кто ты родом?

Кого ты вечно ищешь? Разве мало
тебе той жгучей радости, которой
и ангелам довольно? Разве мало
мгновения, чей слабый огонек
прощально золотит глазницы нищих?
Но птица памяти, как дерево росу,
свои сокровища роняет невесомо.
И говорит он: «Прочь, меня зовут,
я что-то позабыл, — и должен вспомнить,
я что-то потерял, его здесь нет,
и я уйду на голубом рассвете,
куда — и сам не знаю, только знаю,
что нет его и там — ни за углом,
ни в тополях за новым поворотом,
ни в сонме звезд, ни в нежности лампадок, —
его там нет, и не было нигде,
ни в чем... И только раз —
о, только раз! —
в глазах твоих, когда они закрылись».

Последний вечер

Заря вечерняя, холодная прозрачность,
разгадка жизни и загадка смерти,
родная, словно пламя очага,
и чистая, как снег воспоминаний,
сестра моя! Не твой ли сон нездешний
светился в именах моих надежд,
в листве моих дорог? Какой росую
ты веки мне кропила? Неужели
тебе нужны, как дерево огню,
мои порывы смутные, обломки
моих крушений, образы ночные,
рожденные задумчивым рисунком
танцующего пламени? Неужто
и эти крохи выпросило время,
которое уводит горизонт
и провожает нищий на коленях?
О сердцевина неба и души,
подруга сиротливая моя,
разгадка жизни, плод ненареченный!
Холодная и вещая заря,
вечерняя заря, снежинка смерти!..

Примечания

ЭЛИСЕО ДИЕГО (ELISEO DIEGO, род. в 1920 г.) — лирический поэт, переводчик советской поэзии. Видный представитель группы «Орихинес» («Истоки»). Активно участвует в творческой жизни социалистической Кубы. Основные сборники: «На пути Иисуса» (1949), «По неведомым краям» (1958).

СИНТИО ВИТИЕР (SINTIO VITIÉR, род. в 1921 г.) — поэт философского склада, писатель, литературовед. Один из создателей группы «Орихинес». Исследователь творчества Хосе Марти, организатор ежегодника «Аннуарио Мартиано». Автор фундаментальных трудов «Пятьдесят лет кубинской поэзии», «Кубинское начало в поэзии». Работает в Национальной библиотеке имени Хосе Марти. Основные сборники: «Субстанция» (1950), «Накануне» (1953), «Канто Льяно» (1956).

Содержание

ЭЛИСЕО ДИЕГО

Родные. <i>Перевод А. Гелескула</i>	346
Надень рубашку старого покроя. <i>Перевод А. Гелескула</i>	346
Седьмая муза. <i>Перевод П. Грушко</i>	347
Вызов Карибскому морю. <i>Перевод П. Грушко</i>	348

СИНТИО ВИТИЕР

«Ребенок не ласковый ирис...» <i>Перевод М. Самаева</i>	350
Неутолимый. <i>Перевод А. Гелескула</i>	350
Последний вечер. <i>Перевод А. Гелескула</i>	351